

Г.Д. Гриценко
Т.Ф. Маслова*

G.D. Gritsenko
T.F. Maslova*

**Культурная память
как основа интеграции мигрантов
в принимающее сообщество
(на примере Ставропольского края)****

**Cultural Memory as the
Basis of Integration of Migrants
in the Host Community (by the
Example of the Stavropol Territory)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-16

УДК 316.485.6(470.6)

Выходные данные для цитирования:

Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Культурная память как основа интеграции мигрантов в принимающее сообщество (на примере Ставропольского края) // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 196–203. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-16.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-16

How to cite:

Gritsenko G.D., Maslova T.F. Cultural Memory as the Basis of Integration of Migrants in the Host Community (by the Example of the Stavropol Territory) // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 196–203. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-16.pdf>

Abstract. The last decade of the 20th and the beginning of the 21st centuries for the South Russian region was tragic not only in terms of the socio-economic situation, but also physical survival: military operations, terrorist attacks and, as a result, powerful flows of forced migrants. Among the host territories, an important place belongs to the Stavropol Territory, which has several advantages: the agrarian region, a multi-ethnic community. But the main prerequisite for the integration of migrants into the host community is cultural memory as a manifestation of existential foundations of the world and the standard image of man common for the migrants and local residents. The main method that provides the maximum opportunity to “discover” the content of the cultural memory of immigrants is the oral history method. The semiotic analysis of the linguistic features of the construction of information obtained by the oral history method revealed the optimism of migrants’ social well-being and their tendency to integrate into the host society. However, it was revealed that cultural memory as “an active dialogue of the culture of the present with various structures belonging to the past” does not work automatically. For the full integration of immigrants into the new community, unity, a synthesis of the cultural memory and personal qualities of the migrants themselves are necessary.

Keywords: forced migrants; cultural memory; oral history method; host community; integration.

The article has been received by the editor on 14.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Последнее десятилетие XX и начало XXI в. для южно-российского региона было трагическим не только с точки зрения социально-экономической ситуации, но и физического выживания: военные действия, террористические акты и, как результат, мощные

* Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: dissovet@rambler.ru
Gritsenko Galina D., Doctor of Philosophy, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: dissovet@rambler.ru
Маслова Татьяна Федоровна, доктор социологических наук, Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия, e-mail: tatianamaslova@rambler.ru
Maslova Tatyana F., Doctor of Sociology, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, e-mail: tatianamaslova@rambler.ru

** Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Тенденции этнизации / деэтноцизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе», грант РФФИ № 20-011-00132.

The publication was prepared as part of the scientific project “Tendencies of Ethnicization / De-ethnicization of Social and Political Life in the North Caucasus”, grant RFBR No. 20-011-00132.

потоки вынужденных мигрантов. Среди принимающих территорий важное место принадлежит Ставропольскому краю, который обладает рядом преимуществ: аграрный регион, полиэтничное сообщество. Но главная предпосылка интеграции мигрантов в принимающее сообщество – это культурная память как проявление единства для мигрантов и местных жителей бытийственных основ мира и нормообраза человека. Основным методом, обеспечивающим максимальную возможность «обнаружить» содержание культурной памяти переселенцев, является метод устной истории. Семиотический анализ лингвистических особенностей конструирования информации, полученный методом устной истории, позволил обнаружить оптимистичность социального самочувствия мигрантов и их устремленность к интегрированности в принимающий социум. Однако было выявлено, что культурная память как «активный диалог культуры настоящего с разнообразными структурами, принадлежащими прошлому», не срабатывает автоматически. Для полной интеграции переселенцев в новое сообщество необходимы единство, синтез культурной памяти и личностных качеств самих мигрантов.

Ключевые слова: вынужденные мигранты; культурная память; метод устной истории; принимающее сообщество; интеграция.

Тема насильственной (форсированной) миграции конца XX – начала XXI в. актуализируется последствиями развала СССР – появлением в структуре российского общества постсоветского периода новых социально-статусных групп: вынужденных переселенцев. Это категория людей, массово принужденных к пересечению границ республик бывшего СССР в сторону российских и прежде всего русских территорий.

По оценкам разных специалистов, после распада Советского Союза около 9 млн людей не по своей воле оставили дома в бывших союзных республиках и устремились на историческую родину. Согласно результатам наших исследований 2000–2006 гг.¹ (было опрошено в 2002 г. – 900 вынужденных переселенцев, в 2006 г. – 600 мигрантов), главная, системная причина, которая заставила людей оставить «насиженные» места, – это социально-политические трансформации, обусловленные развалом СССР. Согласно ответам, полученным в ходе опроса вынужденных переселенцев, в числе причин были названы следующие: во-первых, военные действия и угроза для жизни (их указали 73 % опрошенных); во-вторых, неблагоприятные условия, неустойчивость социально-политической ситуации в прежнем месте жительства, обусловленные политикой самоопределения союзных республик (их назвали 47,8 % респондентов). Вот формулировки обстоятельств выезда людей из мест постоянного проживания «в никуда»: «агрессивные действия со стороны титульных наций», «заккрытие школ русского сектора», «незащищенность со стороны государства», «угроза убийства из-за квартир», «опасность для жизни», «отношение как к второсортному» и далее в такой же стилистике.

С начала регистрации вынужденных переселенцев (с 1 июля 1992 г.) и беженцев (с 20 марта 1993 г.) по 2002 г. в России их общее число составило 643,5 тыс. чел., или 264,9 тыс. семей². По уровню коэффициента миграционного сальдо как показателя плотности распределения мигрантов и нагрузки на территорию в числе лидеров в 1994 г. были территории Южного федерального округа Российской Федерации. Это – Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Краснодарский и Ставропольский края. Коэффициент миграционного сальдо здесь составлял от +2754 в Дагестане до +157 на Ставрополье, тогда как в других территориях, например, в Алтайском крае, Татарстане, Республике Карелия от +99 до +49³.

¹ Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX–XXI веков (на примере Ставропольского края): дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2009.

² Юдина Т.Н. Социология миграции. М., 2006. С. 17.

³ Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 31–33.

В целом большую часть миграционного потока, шедшего в Россию, включая вынужденных переселенцев, принял южно-российский регион, где особенно выделяются собственно «русские» территории. Отмечается, что с 1990 по 2000 гг. коэффициент миграционного прироста в целом по России составил 21,4 %, по южно-российскому региону – 45,3 %. Наиболее значимым он был в Краснодарском крае – 111,3 %, в Ставропольском крае – 95,4 %; в Ростовской области – 51,5 %⁴.

На миграционные потоки, направляющиеся в южно-российский регион, оказывали влияние факторы как общие для страны, так и специфические, обусловленные т.н. привлекательностью этого региона для мигрантов. Рассмотрим это на примере Ставропольского края.

Занимая территорию в 66,2 тыс. кв. км, Ставропольский край на севере граничит с Ростовской областью и Республикой Калмыкия; на востоке – с Республикой Дагестан и Чеченской Республикой; на юге – с Северной Осетией-Аланией, Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией; на западе – с Краснодарским краем. То есть выделяется его географическая связь с территориями, граничащими со странами СНГ, и Чечней – местом обострения социального и военного конфликта⁵. Край занимает центральное место в Предкавказье, является своеобразным этническим перекрестком и имеет традиционные миграционные и этнические связи проживающих здесь народов. Ставрополье исконно было полиэтничным сообществом с преобладанием русскоязычного населения, в котором мирно уживались различные этнические и конфессиональные группы. Кроме того, будучи относительно развитым аграрным регионом, Ставрополье имело условия для организации хозяйственной деятельности (в виде, например, подсобного хозяйства), что позволяло на первых порах мигрантам самостоятельно выживать.

Такие географические и социально-демографические особенности повлияли на выбор данного региона переселенцами из республик Закавказья и Северного Кавказа. Так, результаты опроса 2006 г. показали, что наиболее представительную группу опрошенных респондентов составляли переселенцы из Чеченской Республики – 79,4 % (2001 г. – 57,5 %).

В Ставропольском крае самая большая миграционная волна пришла на 1992 г.: более 200 тыс. чел. обратились в миграционную службу для получения официального статуса вынужденных переселенцев. И хотя лишь 77,8 тыс. чел. удалось официально получить этот статус, край остался для большей части мигрантов местом постоянного жительства. С 1995 г. по 2006 г. почти 150 тыс. фактических вынужденных переселенцев и беженцев поселились на постоянное место жительства в крае.

Как показало исследование интеграции вынужденных мигрантов в новое принимающее сообщество, данный процесс определяется, прежде всего, их системой ценностей и норм, содержащей культурные предпосылки для формирования в новом социокультурном пространстве относительно устойчивых интегративно-культурных связей между носителями различного социального опыта: мигрантами и местными жителями⁶. Культурные предпосылки успешной интеграции во многом были обусловлены культурной памятью, которая «удерживает единство культурного пространства трансляцией вечных, неизменных воплощенных в объектах материального и нематериального культурного наследия»⁷.

Известно, что впервые термин «культурная память» появляется в 1970-х гг. в статьях Ю.М. Лотмана, который полагал, что культурная память – это атрибутивное свойство обще-

⁴ Николаев М.Н. Миграция населения Ставропольского края на рубеже XXI века // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран. М.; Ставрополь, 2001. С. 211.

⁵ Белозеров В.С., Магомедов К.А. Экономическая и социальная география Ставропольского края. Ставрополь, 1996.

⁶ Маслова Т.Ф., Гриценко Г.Д. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция // Социологические исследования. 2010. № 5 (313). С. 82–86.

⁷ Андреева Е.В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 14.

ства как некоей самоотжественной целостности на всех этапах его развития⁸. Опираясь на рассуждения Ю.М. Лотмана, Т.Э. Рагозина утверждает, что культурная память есть имманентное свойство «целостности развивающегося во времени социокультурного организма» (общества), основное предназначение которого – обеспечить способность социокультурного организма сохранять и воспроизводить в своем актуальном бытии свою целостность⁹. Это свойство культурной памяти напрямую обусловлено природой культуры, которая объективно является формой общения между людьми и, следовательно, играет коммуникативную роль. А это означает, что всякое функционирование какой-либо коммуникативной системы подразумевает существование общего языка у коллектива/группы, являющегося бесспорным свидетельством наличия у них общей памяти¹⁰.

И культура как коллективная память неизбежно подразумевает «непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека и общества»¹¹ и выступает условием осознания людьми непрерывности своего бытия, своей идентичности. При этом, как неоднократно подчеркивал Ю.М. Лотман, развитие культуры происходит как бы по законам развития памяти, при которых «прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе»¹². Из этого следует, что культурная память обладает такой особенностью, как постоянная актуализация прошлого в настоящем, «постоянное присутствие – сознательно и бессознательно – в синхронном срезе культуры глубинных, порой весьма архаических, ее состояний»¹³. Можно сделать вывод, что культурная память – это «активный диалог культуры настоящего с разнообразными структурами <...>, принадлежащими прошлому»¹⁴.

Исходя из теоретико-методологических разработок Ю. Лотмана, вынужденные мигранты, возвращаясь на историческую родину, неизбежно актуализируют способность воспроизводить социальные практики взаимодействия и коммуникации в новом сообществе на основе ценностей и норм, существующих в прежних сообществах, но имеющих, возможно едва заметное, «портретное сходство» с ценностно-нормативной системой принимающего социума. Кроме того, данное «портретное сходство» дополняется также владением общим языком, а именно русским языком.

Объективация культурной памяти ситуацией вынужденной миграции выражается в актуализации и накоплении в сознании включенных в нее индивидов ценностно и рационально значимых знаний и практик, необходимых для воссоздания общей идентичности «старожильцев» и мигрантов, достижения социокультурной интеграции последних в принимающий социум. Рефлектирование на основе артефактов культурной памяти способствует созданию у переселенцев моделей поведения, которые не воспринимаются местным населением как «чуждые» или «иные».

Особого внимания в данном аспекте заслуживает «канал», с помощью которого можно исследовать объективированные формы культурной памяти, – это метод устной истории, обеспечивающий получение информации от непосредственных участников вынужденной миграции, причем информации, эмоционально окрашенной. Использование фактологического потенциала «человека с улицы» (А. Шюц) для анализа уходящих в прошлое достаточно трагических событий социокультурной жизни постсоветского общества обеспечивает понимание субъективно-психологических, эмоционально-чувственных основ исторической памяти вынужденных мигрантов. Такие «документы жизни» (К. Пламмер) представляют

⁸ Лотман Ю. Семиосфера. СПб., 2000. С. 615.

⁹ Рагозина Т.Э. Культурная память versus историческая память // Наука Искусство Культура. 2017. № 3 (15). С. 14, 17, 19.

¹⁰ Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М. 1977. С. 10.

¹¹ Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культуры // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. Т. I. С. 108.

¹² Лотман Ю.М. Семиосфера... С. 615.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

собой уникальный вид «социологического материала» (П. Томпсон), предоставляющий возможность услышать «живое слово» участника исторического события во всей палитре пережитого. Применение метода устной истории позволяет высвечивать особенности проявления культурной памяти народа в конкретно-исторических условиях на персонифицированном личностном уровне.

Культурная память вынужденных мигрантов как основа воссоздания общей региональной идентичности и социокультурной интегрированности в принимающее сообщество обусловила в значительной степени оптимистичное социальное самочувствие¹⁵, что способствовало закреплению у мигрантов установок на окончательную интеграцию в новое сообщество. В ходе опроса вынужденных переселенцев, прибывших в Ставропольский край, установлено, что многие из них утвердились в желании не покидать свое новое место жительства. Если в 2001 г. более 40 % мигрантов решили остаться в крае, то в 2006 – уже около 60 %. Лишь немногие планировали покинуть территорию края, где они остановились. По данным наших опросов, проведенных в 2006 г., только 4,6 % респондентов были намерены переехать в другой регион России (в 2001 г. – 6,8 %). Лишь 2,4 % хотели бы вернуться на прежнее место жительства (в 2001 г. – 3,2 %). Это говорит о том, что миграция вынужденных переселенцев на Ставрополье приобрела необратимый характер.

Весьма показательны в этом отношении смысловые значения формулирования ответов на вопрос: «Что положительно в новой жизненной ситуации, связанной с миграцией?» Доля положительных реакций составила 37,8 % от всего числа респондентов.

Итак, позитивные ответы были распределены по следующим индикаторам.

Понимание, что живешь среди своих («единство бытийственных основ мира и нормообраза человека») – 195 ответов:

«Живем мирно в России», «спокойно живем среди русских людей», «живем близко к родственникам», «приобрел новых друзей, родственников», «нет опасности быть униженным по национальной принадлежности» и т.п.

Сохранение жизни и уход от опасности – 180 ответов:

«В данной ситуации мы выжили», «выехали из мест боевых действий», «все выехали живые», «все остались живы», «выжили и живы», «живем без войны», «вырвались из беспредела», «выехали, оттуда, где за людей не считали», «нет угрозы для жизни», «не убили» и т.п.

Улучшение условий жизни, работа – 177 ответов:

«Есть работа, есть жилье», «есть работа и дом», «муж и я нашли работу», «мы живем на территории, где есть социальные структуры», «имеем равные права со всеми гражданами России», «здесь могу заниматься предпринимательством», «нет войны», «есть возможность жить спокойно» и т.п.

Близость к родным и спокойствие за детей – 120 ответов:

«Дети живут в тишине и покое», «все родственники живут теперь в одном городе», «ребенок получает образование» и т.п.

Позитивные изменения в жизни – 82 ответа:

«Женился», «вышла замуж», «открыла новые перспективы», «хорошая работа» и т.п.

Позитивное социально-психологическое самочувствие – 64 ответа:

«Мы выдержали это испытание», «я стал более активен», «я не сдалась обстоятельствам», «чувствую себя здесь в безопасности», «рад, что живу в безопасности».

Ответы о позитивных последствиях вынужденной миграции дают основания судить о социально-экономических, политико-властных и психоэмоциональных предпосылках формирования социокультурной интеграции и укрепления региональной идентичности.

Анализ высказываний мигрантов, отражающих их жизненные позиции, также высветил те личностно-ментальные качества переселенцев, которые помогли им в ситуации вынужденной миграции относительно успешно интегрироваться в новую социокультурную среду

¹⁵ Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // *Universum: общественные науки*. 2014. № 6 (7). С. 91–99.

и воссоздать ценностно-нормативную основу для идентификации себя с местным населением. Это: коммуникабельность, позитивное отношение к людям, предприимчивость, открытость для нового, реальность восприятия действительности, целеустремленность, оптимизм, непритязательность, жизненный и профессиональный опыт.

Возможно, синтез культурной памяти и «эффективных» личностных качеств, несмотря на все объективно-субъективные проблемы, позволил 57,8 % опрошенных респондентов заявлять о своем «твердом решении остаться здесь».

Процесс интегрированности мигрантов в новые условия жизни характеризовался не только позитивным содержанием, но и сталкивался с трудностями и препятствиями. На это указывают лингвистические особенности конструирования ответов на вопрос: «Что отрицательного в новой ситуации, связанной с миграцией?» Негативно оценили качество своего обустройства на новом месте 42,2 % респондентов. Наиболее распространены были следующие фразы: «трудно», «труднее», «хуже», «мало», «потери», «сложно», «не думал, что такое случится», «не могу привыкнуть», «не хватает средств и сил», «нарушен уклад», «нет работы, угла, жилья, здоровья, нет жизни», «понижение социального статуса». Негативное социальное самочувствие подтверждает также анализ пространственных откровений респондентов, осуществленный путем подсчета слов, смысловых оборотов с акцентами, сделанными в ответах, в соответствии с ценностно-смысловыми значениями («ярлыками»). При этом переселенцы говорят и о том, что есть случаи враждебного отношения к ним со стороны местного населения: «понаехали», «коренные жители нас не любят», «чужая земля, чужие люди», «не чувствуем себя в родном доме». Следовательно, культурная память даже «при определенных условиях не может вновь заявить о себе» автоматически. Для активного «диалога культуры настоящего с разнообразными структурами, принадлежащими прошлому», что обеспечивает преемственность культурно-исторического процесса и идентификационное единство регионального сообщества, необходим сплав культурной памяти и личностных качеств.

Несмотря на достаточно длительный срок пребывания на «переселенческой» территории, практически отсутствуют смысловые конструкции, отражающие *профессиональный рост, производственно-хозяйственное развитие, социально-статусное продвижение*: «тяжело начинать все заново», «жизнь пришлось начинать сначала», «профессиональная неудовлетворенность», «тяжела жизнь, начатая с нуля», «нет перспективы» и т.п. Негативные аспекты вынужденной миграции обуславливаются и *ностальгией*: «тянет на прежнее место жительства», «тоскуем по прежним местам», «нельзя вернуться», «хотим обратно в Грозный», «тяжело вспоминать о прошлом, когда потеряно почти все», «не чувствуем себя в родном доме», «хотелось бы вернуться на Родину». Значительную роль в формировании у переселенцев отрицательной оценки своей жизни в новом сообществе играет также *чувство отчужденности*: «не ждали», «гибель», «тоска», «не нужны», «мне труднее, чем местным».

С течением времени «активность» культурной памяти вынужденных переселенцев обусловила снижение негативных последствий миграции, усиливая социокультурную интеграцию переселенцев в принимающее сообщество. Но в индивидуальной памяти мигрантов навсегда сохраняются воспоминания о трагических событиях, пережитых ими в конце 1990-х – начале 2000-х гг., и будут передаваться подрастающим поколениям как часть семейной памяти и семейной истории¹⁶.

Таким образом, культурная память вынужденных переселенцев выступила важным механизмом их социокультурной интеграции в новое сообщество. Несмотря на разрушение экономического и политического единства российского общества после распада СССР, культурная память сохранила свое основное предназначение – обеспечение целостности социокультурного организма, а именно российского общества.

¹⁶ Авксентьев, В.А., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Интеграционный потенциал полиэтничного региона в контексте укрепления социокультурной безопасности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 10 (66). С. 14–21.

Литература

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Интеграционный потенциал полиэтничного региона в контексте укрепления социокультурной безопасности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 10 (66). С. 14–21.

Андреева Е.В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации: автореф. дис.... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.

Белозеров В.С., Магомедов К.А. Экономическая и социальная география Ставропольского края. Ставрополь: Изд-во СКИПКРО, 1996. 221 с.

Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // *Universum: общественные науки*. 2014. 6 (7). С. 91–99.

Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М.: Альфа-М, 2004. 224 с.

Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М.: Изд-во АН СССР. 1977. 18 с.

Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. С. 102–109.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX–XXI веков (на примере Ставропольского края): дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2009. 344 с.

Маслова Т.Ф., Гриценко Г.Д. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция // Социологические исследования. 2010. № 5 (313). С. 82–86.

Николаев М.Н. Миграция населения Ставропольского края на рубеже XXI века // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 210–213.

Рогозина Т.Э. Культурная память versus историческая память // Наука Искусство Культура. 2017. № 3 (15). С. 12–21.

Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.

References

Andreyeva, Ye.V. (2007). *Kulturnoye naslediyе kak yadro kulturnoy pamyati i yego rol v sokhranenii dukhovnoy tselostnosti Rossiyskoy tsivilizatsii* [Cultural heritage as the core of cultural memory and its role in maintaining the spiritual integrity of Russian civilization]. Cand. phil. sci. diss. abstract. Rostov-on-Don. 26 p.

Avksentyev, V.A., Gritsenko, G.D., Ivanova, S.Yu., Shulga, M.M. (2019). *Integratsionnyy potentsial polietnichnogo regiona v kontekste ukrepleniya sotsiokulturnoy bezopasnosti* [The integration potential of a multi-ethnic region in the context of strengthening sociocultural security]. In *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 10 (66), pp. 14–21.

Belozеров, V.S., Magomedov, K.A. (1996). *Ekonomicheskaya i sotsialnaya geografiya Stavropolskogo kraya* [Economic and social geography of the Stavropol Territory]. Stavropol, SKIPKRO. 221 p.

Dmitriyev, A.V., Sleptsov, N.S. (2004). *Konflikty migratsii* [Conflicts of migration]. Moscow, Alfa-M. 224 p.

Gritsenko, G.D. (2014). *Sotsialnoye samochuvstviye i sotsialnaya adaptatsiya: sootnosheniye ponyatiy* [Social well-being and social adaptation: correlation of concepts]. In *Universum: obshchestvennyye nauki*. No. 6 (7), pp. 91–99.

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB. 704 p.

Lotman, Yu.M. (1977). *Kultura kak kollektivnyy intellekt i problemy iskusstvennogo razuma* [Culture as a collective intelligence and problems of artificial intelligence]. Moscow, AN SSSR. 18 p.

Lotman, Yu.M. (1992). Neskolko mysley o tipologii kultur [A few thoughts on the typology of cultures]. In *Stati po semiotike i tipologii kultury*. Tallinn, Aleksandra. Vol. I, pp. 102–109.

Maslova, T.F. (2009). Sotsiokulturnaya integratsiya vynuzhdennykh pereselentsev v mestnoye soobshchestvo na rubezhe XX–XXI vekov (na primere Stavropolskogo kraya) [Sociocultural integration of internally displaced persons into the local community at the turn of the 20th–21th centuries (by the example of the Stavropol Territory)]. Dr. sociol. sci. diss. Stavropol. 344 p.

Nikolayev, M.N. (2001). Migratsiya naseleniya Stavropolskogo kraya na rubezhe XXI veka [Migration of the population of the Stavropol Territory at the turn of the 21st century]. In *Rasseleniye, etnokulturnaya mozaika, geopolitika i bezopasnost gornyykh stran*. Moscow-Stavropol, SGU, pp. 210–213.

Rogozina, T.E. (2017). Kulturnaya pamyat versus istoricheskaya pamyat [Cultural memory versus historical memory]. In *Nauka Iskusstvo Kultura*. No. 3 (15), pp. 12–21.

Yudina, T.N. (2006). *Sotsiologiya migratsii* [Sociology of migration]. Moscow, Akademicheskii Proyekt. 272 p.

Статья поступила в редакцию 14.07.2020 г.